

Studia Culturae: Вып. 3 (37): Academia: К.А. Очеретяный. С. 59-66.

К.А. ОЧЕРЕТЯНЫЙ

*Кандидат философских наук,
старший преподаватель кафедры философии науки и техники
Санкт-Петербургский государственный университет*

СУДЬБА ТЕЛЕСНОСТИ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ

Современные цифровые информационно-коммуникационные технологии предлагают не просто новый формат хранения и передачи сообщения, они предлагают новый формат опыта. Поскольку в современных условиях быть, означает быть в медиареальности, т.е. быть транслируемым, то все сопротивляющееся переводу в формат информационного сообщения, все, что сопротивляется трансляции, лишается признания, а вместе с ним своего онтологического статуса – права на существование. Оно не осознается, не чувствуется, не замечается. Медиа не только глобализируют события, поскольку события, не вынесенные в пространство всеобщего и вовсе признаются несуществующими, медиа также глокализуют телесность, т.е. технически усиливают одни органы чувств, ослабляя другие, подвергают валоризации аудиальные и визуальные данные и девальвируют все остальные. В данной статье, анализируется феномен исчезновения из медиареальности запаха – основной доминанты традиционных культур, позволяющей ощутить присутствие отсутствующего, бестелесное как телесное, ощутить присутствие духа, в широком смысле – метафизическое измерение вещей. Поскольку запах и традиционные формы его осознания в культуре как богоприсутствие явленное в аромате, благовонии, запахе жертвоприношения, сопротивляется переводу в аудиовизуальный формат, он становится не манифестацией божества, и даже не достоянием субъекта в качестве болезненно открытой опыту рафинированной индивидуальной чувствительности, а неискоренимым следом иного – того, что распознается как покушение на свободу, что оценивается как вредоносное диссоциирующее явление, разрушающее любую общность и любую коммуникацию, а потому признается тем, что должно быть устранено. Однако в борьбе за перевод опыта в медийный формат, вместе с опытом запаха, устраняются иные неперебиваемые на язык объективных высказываний данные самопереживания, которыми наполнен наш жизненный мир и о которых возможно только не прямое высказывание – мифическое, поэтическое, философское. Угроза исчезновения этих данных самопереживания заставляет вновь поставить вопрос о границах медиареальности.

Ключевые слова: медиа, телесность, запах, технологии, реальность, онтология, чувственность, аура, метафизика, общество

Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ 16-03-00566-ОГН, СПбГУ.

K. A. OCHERETYANY

*PhD in Philosophy, Senior lecturer
St. Petersburg State University*

THE DESTINY OF BODY IN DIGITAL AGE

Modern digital information and communication technologies offer not just a new format for storing and transmitting messages, they offer a new format of experience. Since in modern conditions to be, means to be in the mediareality, i.e. to be broadcast, then everything resisting the transfer to the format of an information message, anything that resists broadcasting, is deprived of recognition, and with it of its ontological status – of the right to exist. It is not realized, not felt, not seen. Media not only globalizes events, because events that are not taken to the universal space and are completely recognized as non-existent, the media also glocalize corporeality, i.e., technically strengthen some sense organs, weakening others, subject to valorization audial and visual data and devalue all others. In this article, the phenomenon of the disappearance from the media reality of the smell – the main dominant of traditional cultures, allows one to sense the presence of the absent, incorporeal as a corporeal, to feel the presence of the spirit, in a broad sense, the metaphysical dimension of things. Since the smell and traditional forms of its awareness in culture as a God-Presence in the fragrance, incense, odor of sacrifice, resists translation into the audiovisual format, it does not become a manifestation of the deity, and not even the subject's possession as painfully open to the experience of refined individual sensitivity, but an ineradicable trace of Other – what is recognized as an attempt on freedom, which is recognized as a harmful dissociating phenomenon, destroying any community and any communication, and therefore should be eliminated. However, in the struggle for the transfer of experience into the media format, along with the experience of the smell, other untranslatable self-reliving data that are filled with our life world and which are possible only not a direct statement, – mythical, poetic, philosophical, – are eliminated.

Keywords: media, corporeality, smell, technology, reality, ontology, sensuality, aura, metaphysics, society

The research has been done by the support of the grant of RFFI №16-03-00566-OGN, SPBU.

Человеческое тело – символ единства чувства, опыта, сознания, выступает древней моделью структурного и функционального упорядочивания жизни человеческого сообщества. Согласование человеческих отношений по принципу согласования членов человеческого тела предлагает Сократ в «Воспоминаниях о Сократе» Ксенофонта, его же в качестве притчи предлагает Менений Агриппа – римский консул, ушедшим из Рима плебейм. Призывая их вернуться, он уподобляет их поведение восстанию человеческих органов против желудка (желудок, конечно же, патриции и сенаторы). Этот же принцип единства тела для самоопределения человеческого сообщества использует в своих посланиях апостол Павел: если Адам это ветхий

человек – и в нем все умирают, то во Христе, в единстве мистического Христова тела – все оживают, т.е. спасаются. Таинства церкви – это причастие к телу Христа, к жизни во Христе. Античная и иудеохристианская культурные традиции как два источника, питающие европейскую мысль, в эпоху Ренессанса примут характер секулярных проектов, претендующих на реорганизацию жизненного пространства по мере, заданной человеческим телом. Известно, что Коперник сравнивал птолемееву систему с монстром: птолемеев мир с его громоздкими, лишенными эстетики математическими расчетами есть как бы скульптура, которая собрана из частей других скульптур; по отдельности эти руки и ноги, туловище и голова – прекрасны, но вместе они рожают чудовище. Коперниканская революция, вдохновленная эстетическим идеалом, мыслится как восстание против монструозной модели космоса – вселенского (небесного) дома человека. Все последующие социальные и культурные преобразования земного дома – ойкумены также мыслятся как восстание против монструозности. В эпоху тотальной оцифровки действительности сама естественность – амедиация, кажется чем-то монструозным. Уже первые теоретики медиа понимали, что в эпоху массовой коммуникаций мы вынуждены нести на себе весь мир как кожу, в эпоху цифровой коммуникации мы входим в цифру как дух в плоть, все что не оцифровано – призрачно, чудовищно, монструозно. Но какова культурная цена оцифровки?

Используемые человеком технические средства оказывают обратное влияние на него самого, меняя его образ, его мир, а вместе с ним – формы самопонимания и самопереживания. Предлагаемый современными информационно-коммуникационными технологиями (медиа) цифровой формат давно перестал оцениваться в нейтральных терминах посредника, – облочки, обеспечивающий возможность сообщения, – и был опознан как источник того языка, на котором только и можно мыслить, чувствовать, переживать себя, другого, мир. Цифровой формат оказывается онтологическим форматом, обуславливая фундаментальные модусы открытости действительности. Бытие в современном мире все в большей степени означает бытие-в-сети, бытие-онлайн, бытие-в-цифре. Того, кого нет в сети, онлайн, в цифре, того и действительно нет.

Но в условиях информационного изобилия войти в режим медиа-актуальности, стать признанным, возможно только через превращение собственной личности в сообщение, а увеличения трансляционного оборота сообщения, можно добиться, только через интенсификацию его шокового воздействия (иначе оно просто не будет привлекать внимания). Поэтому традиционно расцениваемое как неразумное поведение (скандальное, аффективное, вызывающее) в медиареальности становится наиболее разумным, ведь оно позволяет сохранить трансляционную активность сообще-

ния, самому стать сообщением – войти в рейтинги цитируемости, в поисковые запросы, новостные ленты, что в условиях, созданными медиа, означает войти в реальность как таковую, стать действительным. Именно в этом смысле в медиареальности закреплено всеобщее право на фейк – постправду, множественную-аватар-идентичность, троллинг-дискуссии. Преобразуя человеческий материал для нового онтологического формата, медиа прежде всего изменяют конфигурацию чувственности и чувствительности. В самом широком смысле – чувство далекого и близкого, своего и чужого, доступного и недоступного, допустимого и недопустимого.

Именно с расширением чувственности связывал воздействие медиа основатель современного теоретического дискурса о медиа канадский философ Маршалл Маклюэн [6], однако он же предполагал, что техническое расширение чувственности будет сопровождаться ампутацией способностей, используемых при прошлой сенсорной формации: человек печатной культуры утрачивает тактильные, аудиальные, техники ориентации в мире, гипертрофируя визуальное восприятие; человек цифровой культуры, надевая телесными чувственно-аффективными характеристиками даже наиболее высокие абстракции (которые иначе не могли бы войти в информационное поле), переживая их как экстатический порыв, по видимости лишается целого ряда определений, характеризующих телесность присутствия и главный из них – запах.

Канадский нейрохирург Уайлдер Грейвс Пенфилд используя информацию эмпирически добытую из множества операций на мозге и применяя метод электростимуляции еще в конце 40-х гг. XX века получил ценные данные о функциональной организации коры головного мозга человека, дав посредством специальных карт-схем представление о том как различные органы тела репрезентируют себя в коре головного мозга. Символически это исследование было воплощено в так называемом «гомункулусе Пенфилда» – выставленной в Британском музее скульптуре человека (даже в двух вариантах – сенсорной и моторной), пропорции органов которого соответствуют зонам мозга, где они представлены. У такого человека огромные кисти рук, губы, язык, а остальное тело гротескно мало. Но можно предположить, что медиа вторгаясь в тело, изменяя его под свой формат, создавая цифровую телесность, как набор условий и способов бытия-в-цифре, символически изменяют пропорции органов. Экспансия медиаглобализма сопровождается глокализацией телесности, поскольку символическое усиление одних органов средствами медиа обеспечивается за счет ослабления других. В эпоху господства цифрового формата все что существует в культуре, получает смысл и значение, должно соответствовать условиям трансляции, а в случае любой трансляции неизбежны потери. Можно передать образ, звук, даже тактильные ощущения (что исполь-

зуется в контроллерах компьютерных игр, а также в интерфейсах смартфонов и других мобильных гаджетов), но запах остается непередаваем. Для обеспечения своей «мобильности», – всеприсутствия как открытости глобальным событиям, – новое цифровое тело лишается своего естественного шлейфа, наиболее примитивного, первобытного (если не первобытийного) измерения – запаха, и, соответственно, способности его воспринимать.

На ранних этапах становления медиарельности, – организации публичного освещения событий, концентрации на них общественного внимания, консолидации масс на новом технологическом уровне, – на утрату роли запаха в культуре обращает внимание русский философ Василий Розанов. Всю философию можно понимать как органон, в буквальном смысле не как инструмент или метод, но как орган. Сложившийся орган дает возможность воспринимать, то что воспринимать и, конечно, понимать до его сложения невозможно. Для Василия Розанова философией как органом/органом понимания был «нос», а культура запахов – определенной формацией метафизической чувствительности. Определяя нос как орган понимания и даже радикально как всю философию Розанов возвращается не только к иудеохристианским истокам европейской культуры (ведь в жертвеннике храма Соломона был сделан нос, Бог вдыхал запах жертв, а запах жертвенных туков был медийным измерением божественного присутствия, новозаветный аналог – умащение тела Христа благовониями), но и к древнему понимаю греческого слова для обозначения ума ($\nu\omicron\upsilon\varsigma$) как внимательности, чувствительности, чутья. [5; С. 101-105]. Согласно библейской Книге Бытия (Быт. 7:22) дыхание жизни было вдуно Адаму в ноздри, став живой душой. Характерно, что дыхание жизни есть в любом живом существе, но только у человека дыхание жизни, это дыхание Бога – нос, ноздри становятся как бы органом чувствительности к присутствию Абсолюта. И не случайно, дух, изначально обозначавший нечто чувственное связывался с крепостью возбуждающих напитков, выделением запахов и паров, что позволяло химической ректификации спирта выступать аллегорией ритуальной ректификации души [3; С. 12]. Дух, запах, аромат – был не просто способом присутствия, продолжения тела иными средствами, скорее, наоборот, тело было концентрацией духа, поэтому шаман, духовидец, поэт могли говорить, что они в духе, а не дух в них: их восприятие более тонкое и более точное, чем восприятие нечувствительных, осевших в теле и привычных только к своему запаху душ позволяло почувствовать иное. Дух, зловоние, благовоние были моральными координатами ориентации в мире, поскольку сам запах обладал не только бытовой стороной, но и бытийной, он был и метафизическим горизонтом. Исчезновение запахов из культуры является стиранием метафизического горизонта вещей.

Вальтер Беньямин отмечая особенности технологического воспроизводства образов и тем самым намечая контуры медиареальности, показывает, что среди прочих характерных черт современности определяющим признаком является исчезновение ауры – чувства дали, пронизывающего предмет, каким бы близким он не был [1; С. 190-234]. Согласно интуиции Розанова – аура и есть запах, исчезновение ауры – это исчезновение запаха (его деактуализация в условиях новой реальности), запах – в его не утилитарно-бытовом, а метафизически-бытийном измерении есть чувство дали в близких вещах, способ обнаружения их глубины, души, или энтелехии как того таинственного действенно-формирующего начала, которое все стягивает и откуда волнами расходятся общие настроения, уже теперь истекает жизнь будущего века [7; С. 25]. Запах, – не просто феномен, располагающийся на границе между природой и культурой, он как бы и создает эту границу, поскольку позволяет быть тому, чего нет, а культура и есть все то, чего нет в природе: поэтому запах, дух не просто отождествляется с жизнью, а является актуальным присутствием бытийного Абсолюта.

Информационное поле – это прежде всего полигон для испытания новых форм чувственности, а вместе с ними новых форм аффектации, боли, насилия, новой соматической сборки человеческого материала, поскольку события, которые отдалены от человека во времени и пространстве усилиями медиа подходят катастрофически близко, болезненно касаясь, задевая его. С другой стороны, все что не попадает в медиа, пусть это и происходит в нашем доме, в непосредственной телесной близости оказывается менее аффективным, менее волнующим, менее значимым, оно как бы не имеет языка для того, чтобы заявить о себе – поскольку доминирующие стили выразительности также прорабатываются в медиа. Медиа реализует ситуацию апокалипсиса, т.к. любая бытовая мелочь, для того, чтобы стать прочувствованной (или вообще замеченной) должна стать мировой, должна быть преподнесена как откровение – поэтому бытовые повседневные события выносятся на публичное обсуждение в сеть; не задокументированные, не комментируемые и не транслируемые они утрачивают реальность даже для того, кто с ними столкнулся. Однако апокалиптическая ситуация медиа не только обеспечивает принудительную глобализацию событий, она оборачивается необходимой глокализацией телесности: при которой больший спрос получает аудиальная и визуальная информация, а культура запахов вытесняется, становится свидетельством уже не духовного, но грубоматериального присутствия.

Если для древних культур запах был естественным медиумом сверхъестественного, т.е. способом коммуникации с Абсолютом и возможностью стать сопричастным тому, чего напрямую касаться нельзя, то уже Кант в эпоху, когда биржа, почта и пресса, формировали новую коммуникатив-

ную структуру как публично организованную общественность [2; С. 49], отмечает, что запах противоречит свободе и не содействует общению [4; С. 184-186]. Зрение и слух создают объект и современные медиа, расширяя чувственность, благоприятствуют объективному, в то же время запах как способ чего-либо быть больше чем оно есть, скорее формирует измерение глубины вещей, дообразной памяти, дорефлективной внепонятийной ориентации в мире, игры воображения, – т.е. всего того, что доступно каждому и переживается каждым, но оказывает тем большее воздействие, чем менее оно способно быть сообщенным иному в объективных выражениях. Исключение запаха из культуры коммуникации, является лишь симптомом исключения всего непереводаемого в формат сообщения, всего в чем нельзя достичь какой-либо объективной общности. В этом смысле, вчувственное переживание и эмоциональная задетость являются скорее рациональными и просчитываемыми конструкциями, чем подлинным проникновением в чувство другого. Претендуя на раскрытие (интер)субъективности медиа скорее переводит доличностное глубокочувственное измерение переживания в объективный и дискурсивный формат – что приводит к аннигиляции внутреннего опыта и радикальной трансформации человеческого в человеке.

Формирование в XVIII столетии общественной реальности, силами коммуникативно-технических медиа (биржа, почта, пресса), привело к радикальному индивидуализму, к открытию приватного, к тому, что все запахи превратились в диссоциирующие чувства, в покушение на свободу. Новейшая медиареальность, сформированная цифровыми технологиями, исключая не только запах, но все то, что не может быть транслируемо, рискует лишить права вещей на глубину, на существование их для нас, а вместе с этим лишить онтологической укорененности все те нередуцируемые до уровня объективных высказываний данные самопереживания, которыми наполнен наш жизненный мир и о которых возможно только не прямое художественное, поэтическое, философское высказывание. В этом смысле вопрос о границах медиареальности стоит поставить заново, беря в прицел теоретической оптики, символическую археологию тела – тот корпус традиционных техник работы с запахом, вкусом, чувством чистого и нечистого, которые длительное время отвечали за внутреннее самоопределение культур.

ЛИТЕРАТУРА

1. Беньямин, В. Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости // Беньямин, В. Учение о подобии. Медиаэстетические произведения. Сборник статей / Сост. И. Чубаров, И. Болдырев. – М.: РГГУ. - 2012. – С. 190-234.
2. Больц, Н. Азбука Медиа. – М.: Издательство «Европа». - 2011. - 136 с.
3. Грякалов, Н. А. Фигуры террора – 2. – СПб.: Издательство РХГА. - 2017. - 232 с.

4. Кант, И. Антропология с прагматической точки зрения. - СПб.: Наука. - 1999. - 471 с.
5. Кожурин, А.Я. «Глаз» Платона, «ухо» Хайдеггера и «нос» Розанова // Звучащая философия. Сборник материалов конференции. - СПб.: Санкт-Петербургское философское общество. - 2003. - С.101-105.
6. Маклюэн, М. Понимание Медиа: Внешние расширения человека. - М.: Жуковский: «Жуковское поле». - 2007. - 464 с.
7. Розанов, В. В. Апокалипсис нашего времени. - М.: Республика. - 2000. - 449 с.

TRANSLIT

1. Ben'yamin, V. Proizvedenie iskusstva v ehposu ego tekhnicheskoy vosproizvodimosti // Ben'yamin, V. Uchenie o podobii. Mediaesteticheskie proizvedeniya. Sbornik statej / Sost. I. CHubarov, I. Boldyrev. - M.: RGGU. - 2012. - P. 190-234.
2. Bol's, N. Azbuka Media. - M.: Izdatel'stvo «Evropa». - 2011. - 136 p.
3. Gryakalov, N. A. Figury terrora – 2. - SPB.: Izdatel'stvo RHGA. - 2017. - 232 p.
4. Kant, I. Antropologiya s pragmaticheskoy tochki zreniya. - SPb.: Nauka. - 1999. - 471 p.
5. Kozhurin, AYA. «Glaz» Platona, «uho» Hajdeggera i «nos» Rozanova // Zvuchashchaya filosofiya. Sbornik materialov konferencii. - SPb: Sankt-Peterburgskoe filosofskoe obshchestvo. - 2003. - P.101-105.
6. Maklyuchin, M. Ponimanie Media: Vneshnie rasshireniya cheloveka. - M.: Zhukovskij: «Kuchkovopol», - 2007. - 464 p.
7. Rozanov, V. V. Apokalipsis nashego vremeni. - M.: Respublika. - 2000. - 449 p.